

Предисловие

События, о которых я хочу рассказать, не имеют удовлетворительного описания. Дело в том, что их участники очень сильно отличаются от людей. Трудно даже провести параллели между их органами чувств и нашими. Возможно, было бы правильнее изображать их, как призраков-колдунов, живущих в атмосфере газового гиганта. Или как морских существ с жидкими телами, которые способны смешиваться с другими существами и предметами в одном объеме, но при этом четко осознают и контролируют границы собственного тела. Это образы лучше описывали бы физическую суть происходящего. Но чтобы передать то, что мне в этой истории кажется ценным, я буду рисовать своих героев людьми, используя в качестве красок узнаваемые образы из человеческой культуры. Иногда этот антропоморфный образ будет ломаться, несмотря на намеренную неподробность описаний. Надеюсь, это вступление позволит сохранить в такие моменты ощущение осмысленности происходящего.

Встреча

Одиноким путник пришел из пустыни к окраине города. По нынешним временам он был необычайно стар. Он не был немощным, возраст только придавал достоинство его облику. Только вот уже много поколений никому не удавалось прожить столько лет. Всех рано или поздно убивала чума. Чумой болели все. Каждая жизнь рано или поздно превращалась в изматывающую и безнадежную борьбу с этой болезнью.

Тело путника было по-архаичному мощным и грузным. Такое сложение можно увидеть только у статуй времен золотого века или в самых давних воспоминаниях наследственной памяти. Его движения казались неестественно точными и равномерными, будто подчинеными своеобразной эстетике, имеющей мало общего с природной грацией.

Сквозь кольцо трущоб, путник добрался до центра города – перенаселенных античных руин. Повсюду в грязи и пренебрежении были разбросаны следы былого великолепия. Древние роскошные дома облеплены нелепыми пристройками, заселены множеством семей.

Путник проехал мимо шкуры демона, установленной в центре рыночной площади. Шкура была частично невидима для всех чувств, как черно-белая дыра в цветном мире. В месте прикосновения к ней кожа как-будто немела. Другими словами шкура была *мертва*. Более удивительно было то, что она абсолютно не поддавалась всеразлагающему воздействию *жизни*. И потому вместе с другими шкурами была древнейшей в мире вещью, оставшейся еще со времен первого апокалипсиса.

Доехав до центрального храма-дворца путник представился Авиценной, великим странствующим целителем. Он заявил, что умеет лечить чуму, и запросил аудиенции у самого пророка Ходжи (сноска: Ходжа – ирл наследственный титул потомков исламских миссионеров суфийского течения, предполагающего, что все души - части единого целого). Ссылаясь на обычаи родины, он отказался объясниться, приняв ментальный контакт, что было откровенно враждебным действием. И все же небольшая демонстрация силы открыла ему двери дворца, для оказания соответствующего приема. Привилегированность могущественных входит во все обычаи. Через некоторое время, несмотря на все странности Ходжа решил принять гостя.

Начало аудиенции прошло в тишине, – увидев больных, Авиценна без лишних слов занялся ими. Взрослых чума выматывает постепенно, а к детям периодически приходит в виде острых приступов. Представлены были все возраста и степени тяжести. Казалось,

Авиценна решил осмотреть всех от тяжелых к легким. Но к концу стоны детей, осмотренных первыми начали стихать. Все были исцелены. Вот так просто, без заметных манипуляций и инструментов.

Я понимаю, что любое предложение высказанное на словах вызывает недоверие. – сказал Авиценна – Надеюсь отпечатка моей мысли, хватит в качестве доказательства моей искренности? С легкой улыбкой Ходжа кивнул.

– И еще я бы хотел продолжить разговор в максимально узком кругу.

– Вы же понимаете, что учитывая наши обычаи, сдержать распространение информации не получится.

– Но хотя бы какую-то задержку это даст. По знаку Ходжи все, кроме нескольких ближайших советников, покинули зал. Авиценна погрузился в изготовление оттиска. Мысль была примерно следующая:

"Моя цель – спасение человечества. Но этот проект в отличие от моей жизни далек от завершения. Многие детали ради успеха дела я вынужден держать в секрете, поэтому ментальный контакт для меня неприемлем. Я хочу, чтобы Ходжа стал моим приемником. Я уже пытался с более слабыми кандидатами, но они не справились. Поэтому, Ходжа, твое согласие очень важно. "

– Почему ты решил, что именно я тебе нужен? – Трудно найти равного тебе по силе и мастерству. А подвергать сомнению твои моральные достоинства кажется кощунством. – сказал Авиценна с легкой усмешкой – Я читал твои трактаты по этике и теории распределенных систем и оценил твой ум. Все эти качества важны для продолжения моего дела. Уверен подобное сочетание всех добродетелей в одном лице уникально. И не считая обиду, я принял это решение не под впечатлением твоих свершений в религиозной сфере.

После непродолжительной беседы Ходжа дал согласие. Всего через день он был готов оставить пост. Весть об этом еще не достигла широких масс. Поэтому, как и хотел Авиценна они вдвоем смогли отбыть инкогнито. Когда они углубились в пустыню Авиценна сказал:

– Теперь нам нужно телепортироваться. Позволь наложить на тебя заклинание. Исполнение просьбы поставило бы Ходжу в уязвимое положение. После короткой паузы он спросил:

– Почему бы тебе просто не открыть мне свой разум? Я ведь все равно должен узнать твои секреты и теперь я изолирован.

– Горький опыт подсказывает, что прежде, чем это сделать, нужна теоретическая подготовка. Без телепорта мы не сможем попасть в мой дом, где собраны необходимые инструменты. Кроме того процесс обучения предполагает множество ситуаций, когда ты окажешься в моей власти. Прошу, доверься мне.

– Почему ты предпочитаешь логику и ультиматумы взаимопониманию и компромиссам? – с легким вздохом согласился Ходжа. Оставив вопрос без ответа Авиценна сотворил заклинание.

Первый апокалипсис

Огненные линии в небе завершились далеким грохотом. Никто не смог истолковать этот знак, и мы отправились по растаявшему в воздухе следу. На самой границе наших кочевий мы нашли место падения. Глубокая рана в теле земли уже затягивалась: мертвый пепел превращался в почву, которая по краям кратера успела дать побеги. Но несмотря на старания жизни вернуть свое, никто не мог припомнить такого количества мертвого вещества, на сколько бы поколений вглубь памяти не удавалось погрузиться. Наблюдать

мертвое было странно и интересно. Даже сосредоточившись можно ощутить лишь очень небогатую гамму ощущений. Как будто трогаешь что-то обмороженными руками. Привычные манипуляции с ним не удаются. Как будто толкаешь что-нибудь, но внезапно не встречаешь сопротивления.

Вещество в центре кратера становилось все более прозрачным по мере того, как жизнь просачивалась внутрь. И вот мы заметили в нем смутное движение гигантских, чрезвычайно плотных фигур. Их вид казался не просто странным. Он был невозможным. Одни чувства вместе с землей содрогались от мощи их движений. Другие видели на их месте только идеальную, пугающую пустоту. Все что приближалось к ним тоже постепенно начинало ускользать от наших чувств. Попытки прощупать их вызвали длинные струи ярчайшего пламени. Отпор гигантов был разрушительным, но неуклюжим. Никого из нас не задело. Издалека мы попробовали спровоцировать их еще и вскоре пришли к выводу, что они нас не видят. Они не замечали никакой активности вокруг них, пока та не перерастала в грубое физическое воздействие. Но как только рядом что-то перемещались, они испепеляли это, игнорируя даже самые очевидные манипуляций, ведущие к нам.

Мертвые существа не казались особенно опасными, но производили впечатление чего-то пугающе неправильного. Уходя на стоянку, мы решили, что это дурной знак.

Когда мы в следующий раз пришли проведать кратер, мы ожидали что все мертвое вещество будет уже поглощено жизнью. Но его стало только больше. Потом мы увидели самое страшное. Вещество ощущалось как мертвое, но внутри ощущалась деятельность, как будто оно было живым. Мы заметили, как смерть борется с окружающей его жизнью и постепенно разъедает ее, как кислота. Мы долго пытались что-нибудь с этим сделать. Но раз за разом получали отпор и в конце концов привлекли внимание демонов (так мы окрестили мертвых гигантов). Больше всего пугало то, что все мертвое реагировало на нас как единое целое. Как одно невозможно большое и могучее существо, способное легко раздавить всех нас. Как и демоны оно не отличалось умом, но он был ему и не нужен, чтобы оттеснять нас.

Вскоре нам пришлось бежать с наших земель.

—

Мою семью миновали лишения бесконечного похода. Но все равно мое счастье и детство кончились рано. Вначале меня стал преследовать беспричинный страх. Желая понять его, я прислушался к своим чувствам. И тогда из глубин сознания поднялся холодный неумолимый ужас... Родители молча успокоили меня. А потом я начал вспоминать... чуждое, непонятное, мертвое зло, что пожрало каждый клочок земли, пройденной за долгие годы... изнуряющее бегство от края черной пропасти размером в пол-мира... постоянное расчеловечивающее ожесточение борьбы за жизнь с другими беженцами...

Ко дню инициации я помнил уже достаточно, чтобы четко осознать, насколько случайно получилось так, что я живу. Что я несколько не лучше многих тех, кто сгинул в хаосе похода вместо моих предков. Опыт многих поколений говорил мне, что я вероятно рано умру, чтобы мои близкие могли умереть чуть позже.

Обреченность довлела над всеми. Кто-то добровольно уходил из жизни. Кто-то с мрачным упорством ходил на край мертвого моря, пытаясь как-то на него подействовать. И однажды случилось невероятное. Одна маленькая, почти не ощутимая частичка мертвого вещества откликнулась на манипуляцию. С помощью нее удалось захватить еще и еще. И вот в распоряжении героя оказался уже приличный объем. Секрет было трудно объяснить – только долгая ментальная синхронизация помогала. Несмотря на это, он быстро разлетелся по племенам беженцев. В течение десятка лет мы достигли мастерства, позволявшего мечтать о том, чтобы владеть мертвым морем, как мы когда-то владели всем

живым миром.

Но мертвое море продолжало наступать. Наконец, наше племя отважилось снарядить экспедицию вглубь него. Мы уже достаточно овладели мастерством демонической жизни, чтобы обмануть море и перемещаться в нем. Попытка удалась на удивление легко. Когда мы полностью погрузились в море демоническое мастерство стало работать гораздо эффективнее. Как будто все вещи стали очень легкими и прозрачными, а силы трения были отменены. Демоническое мастерство всегда казалось далеко отстоящим аналогом привычного мастерства манипуляции жизнью. Но сейчас мы на ходу стали выдумывать фокусы ранее немыслимые. И вот один из нас как бы закричал. Но этот крик вместо того, чтобы затухать только набирал силу в среде мертвого моря. Волна распространяясь все дальше набирала колоссальную мощь. Потом мы ощутили, как где-то на расстоянии, недоступном для обычного восприятия, обрушились горы...

В ответ на нашу наглость мертвое море вокруг нас умерло, лишилось демонической жизни. Превратилось в обычную мертвую непрозрачную массу. Было очень больно. Как оказалось мы бессознательно включили в наши тела частички демонической материи. А теперь они внутри нас обратились в пепел. Чем лучше владение демоническим мастерством, тем больше был урон. Некоторые из нас умерли. Мы были ранены и пойманы в мертвом веществе, как в зыбучем песке. Я пострадал меньше всех и у меня хватило сил телепортироваться домой и попросить подмогу. Но как только я оказался дома, гиганский взрыв поглотил место нашей вылазки вместе с огромным умершим куском моря.

С тех пор началось отвоевание земли. Море по частям отмирало, пытаясь защититься от наших атак. Затем кому-то удалось отравить и убить его полностью. Остатки демонов еще долго бродили по миру, постепенно погибая от рук все новых героев.

Ученичество

Авиценна и Ходжа оказались в зале, заполненном одинаковыми безликими статуями. Вокруг них валялись остатки от тех из них, что по-видимому были использованы, чтобы собрать здесь их новые тела. Новое тело ощущалось до странности легким.

— Как ты думаешь, где мы? — спросил Авиценна Ходжа задумался и предположил: — На Луне? Широкая улыбка подтвердила его догадку.

Авиценна начал экскурсию по своим владениям. Это был большой дворец в времен золотого века. Очевидность ламаркизма

Дарвинизм

упоминаются статистическая обработка генеалогий с подсчитанными прокси-метриками мастерства (сноска прокси-метрика — формальный показатель разработанный, чтобы аппроксимировать нечетко определенную величину. Например IQ — прокси метрика "общего уровня интеллекта".) Есть самые разные данные. При анализе много интересной математики вылезает — начал рассказывать Полимегист с оживлением, явно сдерживаясь от дальнейших подробностей.

— Беседа про богов

непризнание личности в игрушечном големе -> обвинени в нематериализме. Ок, но сознание вполне специфическая вещь, которую я в эту штуку не вкладывал. Оправдание любого насилия над големами? демоны

— Ключевая роль индивидуальных талантов для прогресса

— Беседа про религию. Мысль, что можно смотреть на учение о боге разделенном на души людей абсолютно материалистично: совокупность людей не является личностью,

однако со временем эта совокупность может организоваться в систему, являющуюся таковой.

Мистицизм придает этой теории... силу так это хитрость? Ты же понимаешь, что у нас не может быть хитростей. Просто я хотел показать, что с точки зрения практических следствий мое метафизическое учение эквивалентно абсолютно материалистичной доктрине. Значит мистическая версия столь же рациональна, как и материалистичная. Я предпочитаю мистическую, поскольку она тесно сплавлена с моей этической системой.

Мистические постулаты (кажущиеся смелыми утверждения про мир) превращаются в тавтологии при правильной подстановке понятий. Поэтому с практической точки зрения моя метафизика про мир ничего не говорит. То что из нее выводится – это этическая система, которая логична насколько я смею судить. Поэтому мое мировоззрение нельзя обвинить в нерациональности т. к. выбор базовых ценностей, скажем так, дело вкуса.

— Планета демонов
нарекание Ариста

Конец золотого века

мы перевернули производственные отношения с ног на голову. Теперь элиты – это те, кто производит, а не те, кто берет. Угнетение сменилось лизоблюдством. Почти анархическое общество, скрепляемое тонкими нитями престижа.

Сначала чума забрала старость, потом детство.

Чума не похожа, на остальные болезни, есть в ней что-то демоническое.

Всегда может быть хуже.

Испытание

Победа единодушия

История Полимегиста

Аглая скрыла за высокомерием то, как сильно она изменилась
магистра-воина зовут Александр.

схватка на совете

Ужасающие доказательства правоты Полимегиста. Эмпирическое наблюдение ускорения эволюции. Исчезновение столовых приборов.

Финал

Исчезновение "я". Жажда синхронизации со своим "сверх я".

"Праведность" как оружие

Продуманная этика как броня

Спор идеалов индивидуализма и сверх-я.